

Дом Голицыных

в Мраморном дворце

Рисунок И. Голицына

В Петербурге, в стенах Мраморного дворца, прошла выставка работ Иллариона Голицына из коллекции Русского музея. Сотрудники музея с необыкновенным вкусом, изяществом и тактом подали его живопись и графику, собранные на протяжении более сорока лет, начиная с ранних гравюр, таких, как портрет Владимира Андреевича Фаворского с внуком, как натюрморты и портреты 60-х годов, сразу выдвинувшие Голицына в первые ряды наших графиков, и вплоть до вещей 70-х, 80-х – карандашных рисунков и акварелей, живописных пейзажей, интерьеров из блестящей голицынской “красной” серии; добавили к ним две его удивительно милые скульптуры: “Похищение Европы” и “Нечто с рогами”...

Выставка позволяет научно изучить и осмыслить творческую эволюцию мастера, но меня она в первую очередь поразила редким постоянством Голицына во всем: в темах, настроениях, пластических исканиях. Мир, в котором он живет, куда так гостеприимно вводит нас, своих зрителей, – совсем особый мир, населенный множеством живых существ – птиц, зверей, деревьев, столь же индивидуальных, как звери. Художник распахивает двери в свою мастерскую, зароможденную готовыми, начатыми работами, приглашает в ком-

наты московской квартиры в знаменитом доме Фаворского в Новогирееве, зазывает в свои летние деревянные сараюшки. В этом мире постоянно присутствуют он сам, его дети, его друзья. Но в нем на равных обитают такие же живые мать Иллариона, прострачивающая на швейной машинке военные солдатские телогрейки; отец, самозабвенно работающий над своими географическими картами; дедушка и бабушка, занятые рукоделием и чтением в серебристом мареве холста... А за ними оживают фамильные портреты знаменитого рода Голицыных – и уже нельзя отличить мальчика в камзолчике, выскочившего из рамы портрета XVIII века, от сынишки Иллариона.

В наши дни многие художники ностальгически обращаются к прошлому, ищут потерянные ключи от детства – заповедного края, куда нет пути. Мир Иллариона Голицына уникален тем, что прошлое и настоящее в нем сосуществуют в одном духовном пространстве, поэтическом, чуть-чуть призрачном – и реальном, никуда не ускользающем, нигде не возникающем. Он, этот мир, постоянно здесь, с нами. Казалось бы, беспощадно уничтоженный революцией, сталинщиной, “дом Голицыных” словно бы ничего этого и не заметил, презрел и “классовую” ненависть, и репрессии как нечто, не имеющее над ним никакой власти, и живет, звенит радостным насыщенным цветом, красотой мерцающей фактуры масляной живописи, черно-белыми контрастами гравюры, тонкими градациями акварели.

Он, этот “дом”, – один из великих домов нашей истории, так же таинственно неуловим и так же бессмертен, как окутанные серебристой весенней дымкой панорамы Невы, Дворцовой площади, Адмиралтейства, которые с таким удивительным художественным чутьем и гордостью законного хозяина демонстрировал мне по дороге из Мраморного дворца в Русский музей мой друг Илларион Голицын – человек с величавой, породистой красотой аристократа, распахнутыми глазами ребенка, мудростью и благородством русского интеллигента. Князь Голицын. Художник Голицын.

Мария ЧЕГОДАЕВА

Ручьи. - 2005. - 21-27 апр. - с. 10